

АРХЕОЛОГИЯ

АРХЕОЛОГИЯ

Кисельников А.Б. (Саратов)

“СУДА ТАРШИША”

Страна Таршиш, неоднократно упоминаемая в Библии (*Иезек. 27.25; Исайя. 23.6* и т. д.), и ее корабли, на которых доставлялось серебро, олово, железо и другие металлы в богатый финикийский город Тир, на протяжении долгого времени являлись предметом активного обсуждения. Сегодня большинство историков идентифицируют эту страну с Тартессом — исторической областью в районе Гвадалквивира на крайнем юго-западе Испании¹. Соглашаясь с такой идентификацией, не вызывает сомнений, что “суда Таршиша” получили свое название в результате дальних плаваний на запад. Некоторые историки, не оспаривая смысл данного термина (“суда Таршиша” или “флот Таршиша”), употребляемого в текстах Писания в связи с путешествиями в Таршиш или Офир, даже склонны видеть в библейских кораблях разные типы судов. В этой связи нас интересует следующий вопрос: скрывался ли под этим именем, какой-то определенный тип судна, задействованный в длительных морских предприятиях, или это было общее название судов, участвовавших в средиземноморской торговле с испанским Тартессом?

Мы достаточно хорошо знаем о том, что уже с эпохи поздней бронзы финикийские мореплаватели осваивают просторы Средиземного, Красного и Черного морей. Их дальние морские походы начались тогда, когда господство минойских и микенских купцов, главных конкурентов финикийцев в восточном Средиземноморье, было уничтожено дорийским нашествием. Свидетельством активной морской торговли в этот период явились раскопки у мыса Гелидония финикийского

---

¹ *Perez Rojas M.* El nombre de Tartessos // *Tartessos y sus problemas.* Barcelona, 1969. P. 370; *Шифман И.Ш.* Ветхий завет и его мир. М., 1987. С. 13; *Циркин Ю.Б.* От Ханаана до Кафагена. М., 2001. С. 153 и др.

торгового судна, затонувшего там около 1200 г. до н. э.² Анализ набора каменных гирь для весов, обнаруженного археологами, указывает на то, что экипаж корабля, длина которого составляла всего 10 м, а ширина 2 м, торговал с Египтом, Сирией, Палестиной, Троей, Хеттской империей, Критом³. Груз медных слитков и бронзовых орудий имел кипрское происхождение. Судно, по всей видимости, перевозило бронзовый лом, предназначенный для переплавки и изготовления новых орудий. Головки булавы, каменные ступы, остатки масляной лампы были палестинского типа. Печать торговца — сирийской. По предположению исследователей, это судно бронзового века пришло из Сирии на Кипр, где забрало груз металлического лома и отправилось в свой последний рейс на запад⁴.

Согласно письменным источникам, проникновение финикийцев за Геркулесовы столбы и основание колоний на юго-западе Испании происходит в XII в. до н. э. (Strab. Geogr. III.2.13; Ps.-Arist. *De mir. ausc.* 134; Plin. *Nat. hist.* XVI.216). По словам Веллея Патеркула (Vell. I. 2.4), Гадес был основан на восьмидесятом году после падения Трои⁵. Археологические данные не подтверждают столь раннего процесса колонизации Пиренейского полуострова. Находки типичной лощеной финикийской красноглиняной керамики прослеживаются на испанском побережье и в глубине страны с VIII в. до н.э.⁶ Принимая во внимание дискуссионность данной проблемы, заметим, что противники признания существования раннего этапа колонизации все-таки признают возможность финикийской торговой деятельности в этом регионе начиная с XII в. до н. э.

Богатство Тартесса, или Таршиша, которое так привлекало финикийцев, заключалось в добыче его полезных ископаемых и в первую очередь серебра, олова, свинца. С древнейших времен торговля оловом лежала в основе связей между югом полуострова и Североатлантическим регионом⁷. Лучшей гаванью для сбора и экспорта металлических руд Тартесса был Гадес. Вероятно, о такой ранней торговле финикийцев с этим далеким районом Западного Средиземноморья идет речь в Библии, когда упоминается сделка тирийского царя Хирама Великого с царем Израиля Соломоном (965—928 гг. до н. э.). “Корабли Таршиша”, согласно Писанию, доставляли к берегам Леванта золото, серебро, слоновую кость и другие ценные товары.

² Bass G.F. The Cape Gelidonya Wreck // AJA. 1961. Vol. 65. № 3. P. 267–276; Bass G.F. Geledonia. A bronze Age Shipwreck // TAPS. 1967. Vol. 57. № 8; Басс Дж. Подводная археология. М., 2002. С. 152, 156, 158.

³ Там же. С. 158.

⁴ Там же. С. 159.

⁵ Циркин Ю.Б. Указ. соч. С. 108.

⁶ Muhly J.D. Phoenicia and Phoinicians // Biblical Archeology Today. Jerusalem, 1985. P. 179–180; Wagner C.G. Los asentamientos y el comercio fenicio arcaico en Malaga // Congreso de Historia Antigua en Malaga. 2003. P. 58–60,64; Аррибас А. Иберы. М., 2004. С. 37. Харден Д. Финикийцы. М., 2004. С. 62,180; Aguayo De Hoyos P. Estructuras indigenas, comercio y comerciantes en la epoca de la colonizacion fenicia en Malaga // Congreso de Historia Antigua en Malaga. 2003. P. 77–79.

⁷ Аррибас А. Указ. соч. С. 38–39.

Обратимся к тексту источника. Из третьей Книги царств (9.26; 27) мы узнаем, что Соломон строит судно (или несколько судов?) в Ецион-Гавере (Эдом) и Хирам отправляет к нему “корабельщиков, знающих море” (9.27). Поскольку древние евреи имели смутное представление о море⁸, финикийцы не только сами строили корабль (или корабли), но и составляли его (их) экипажи. Если следовать логике, то постройка данных судов осуществлялась Соломоном специально для плавания в легендарную и сказочно богатую золотом страну Офир. Далее читаем: “отправились они в Офир и взяли оттуда (из Офира) золота четыреста двадцать талантов и привезли царю Соломону” (9.28). По всей видимости, в этом предприятии участвовали оба судна или группа судов, принадлежащих как Хираму, так и Соломону. В следующей главе сообщается уже только о “корабле Хирама”, который “привозил золото”, а в другой раз привез драгоценные камни и красное дерево из Офира (10.11). А что же с кораблем или кораблями, построенными Хирамом для царя Израиля? Серебро и золото, которое в изобилии имелось в “доме Соломона”, доставлялось, согласно Писанию, морем: “ибо у царя был на море корабль Таршиша с кораблем Хирамовым; в три года раз приходил корабль Таршиша, привозивший золото и серебро, и слоновую кость, и обезьян и павлинов” (10.22). Стало быть, суда построенные в Ецион-Гавере совершали плавания за золотом и серебром к берегам Тартесса. Вряд ли стоит думать, что весь перечисленный груз доставлялся только ко двору Соломона, а финикийцам отводилась лишь роль поставщиков. Скорее всего, этот договор был выгоден обеим сторонам. Возможно, на рубеже XI–X веков происходит вытеснение греками финикийцев с Родоса (Athen. VIII.61)⁹. Этот остров являлся своего рода стратегическим плацдармом на пути к золотоносным рудникам Фасоса (Hdt. II.44; IV.47). Путь к Фасосу проходил через Родос, где, согласно Диодору, существовали финикийские поселения, основание которых он приписывает Кадму (Diod. V.58). Завоевание Родоса, вероятно, потребовало от тирийцев поиска альтернативный источник золота, каким и стал Офир. До сих пор местонахождение этой легендарной страны точно не определено. Ее искали и в Индии, и на Африканском побережье, и на Аравийском полуострове. В настоящее время большинство историков считают, что она располагалась, где-то в Южной Аравии¹⁰. Мы не беремся утверждать, какая из этих точек зрения справедлива, отметим лишь то обстоятельство, что драгоценный металл вывозился оттуда морским путем. Для перевозки золота из Офира строил суда и царь Иудеи Иосафат (III Книга царств. 22.48), правда, они затонули близ Ецион-Гавера. “Гребцы завели тебя в большие воды; восточный ветер разбил тебя среди морей” (Иезек. 27.26). В X в. под властью царей Израиля оказались не только территории

⁸ *Schvarzenbach A.* Die geographische Terminologie des Alten Testaments. Leiden, 1954. S. 1–2.

⁹ См.: *Циркин Ю.Б.* Указ. соч. С. 108.

¹⁰ *Elat M.* The Monarchy and Development of Trade in Ancient Israel // State and Temple Economy in Ancient Near East. Leuven, 1979. P. 533; *Харден Д.* Указ соч. С. 180.

Сирии, Иордании, Южной Палестины с выходом в Красное Море, но и важнейшие торговые пути. Вероятно, именно эти обстоятельства заставили царя Хирама пойти на союз сначала с Давидом, а затем и с его преемником царем Соломоном (там же. 5.6, 9—11). Открывая путь в Офир Хираму, Соломон, извлекал прибыль не только от финикийской торговли с югом. Судя по всему, договор предусматривал участие вновь построенных израильских кораблей в западной торговле со страной Таршиш (Тартесс). Нам ничего не известно ни о доле израильтян в торговле с Западом, ни о том, как часто их флот совершал рейсы к берегам Пиренейского полуострова. Думается, как первое, так и второе не оказывало существенного влияния на морскую торговлю финикийцев в целом. Они являлись монополистами, и допускать любых возможных конкурентов в столь прибыльное дело не имело смысла. Если верить Библии, один раз в три года суда Соломона могли включаться в состав финикийского флота направлявшегося в Испанию. Но это только догадки, не имеющие под собой никаких реальных свидетельств.

Таким образом, выражение “корабль Таршиша с кораблем Хирамовым” следует понимать как “суда, совершавшие плавания в Офир и Таршиш”. Никакого указания на конкретный тип корабля в данном тексте мы не находим. Речь идет только о направлении маршрутов торговли. Здесь вроде бы все понятно. Теперь, на основании имеющихся в нашем распоряжении письменных источников, исследований и данных, полученных в ходе археологических раскопок, попытаемся выяснить, какие же финикийские корабли с XII по VII вв. могли осуществлять перевозку грузов из стран богатых серебром, золотом и другими металлами. Для ответа на этот вопрос мы должны хорошо представлять себе, к какому историческому периоду относятся события, описываемые в Библии и упоминаемые в связи с ними “суда Таршиша”.

Самые ранние изображения финикийских судов, дошедшие до нас, мы можем видеть на ассирийских барельефах VIII в. до н. э. из Ниневии (рис. 1), Хорсабада (рис. 2) и на рисунке из гробницы одного египетского вельможи (рис. 3). На первом из них запечатлен момент бегства на Кипр преследуемого ассирийским царем Синаххерибом правителя Тира и Сидона царя Лули (Элулая, 722—705 гг. до н. э.). На втором — транспортировка знаменитого ливанского кедра. Между описываемыми в Библии событиями и временем создания этих исторических памятников прошло около двухсот лет. Принимая во внимание консерватизм древних кораблестроителей, будем считать, что финикийские суда к восьмому веку изменились незначительно.

В тексте третьей Книги Царств (9.27; 22.48) “корабельщики, знающие море” и “слуги на кораблях” (очевидно, гребцы), упоминаются как непосредственные участники действия. В Пророчестве Иезекииля о Тире, относящемся к пя-

тому веку¹¹, но содержащему сведения о торговых партнерах финикийцев с конца девятого века¹², корабельщики, гребцы, скамьи, весла (27.6, 8, 29) и паруса (27.7) “кораблей Таршиша” уже звучат как слова-символы, посредством которых автор пытается передать все то, что составляло величие и богатство Тира. Из вышеперечисленного очень трудно сделать вывод, о каких судах идет речь. Судя по имеющимся изображениям, корабли “из Хорсабада” (рис. 2) хотя и были вооружены веслами и мачтой для постановки паруса, все же, скорее, напоминали легкие ладьи, осуществлявшие перевозку грузов вдоль прибрежной полосы, чем морские торговые суда, способные совершить длительный переход от Ливии к берегам Испании. Для этой цели больше подходят суда изображенные на барельефе из Ниневии (рис. 1). Их можно классифицировать как военные корабли с тараном и “круглые” грузовые корабли без тарана. На рисунке видно, что боевые корабли могли идти под парусом и на веслах, у них была высокая корма и одно рулевое весло. На грузовых судах имеется также верхняя палуба и два ряда весел. Но, в отличие от военных кораблей, у них не было мачты, а их нос и корма симметрично приподняты. Два рулевых весла, которые просматриваются на рисунке, очевидно, могли устанавливаться как на носу, так и на корме.

Д. Харден считает, что “корабли Таршиша”, ходившие далеко на запад или в страну Офир, были подобны военным кораблям с ассирийского барельефа. “Они, безусловно, должны были быть оснащены оружием и иметь скорость большую, чем обычные торговые суда”¹³.

На первый взгляд, такое предположение может показаться странным. Хорошо известно, что от судов, предназначенных для перевозки грузов, в первую очередь, требовалась повышенная остойчивость и грузместимость, а не высокая скорость. Во всяком случае, в десятом веке финикийским купцам, которые вели торговлю в Западном Средиземноморье, торопиться было некуда. Их будущие конкуренты — греки — только начинали осваивать побережье Малой Азии. Большое количество вооруженных людей на борту, пусть даже гребцов, уменьшало полезное пространство судна, которое можно использовать для размещения грузов. При взаимовыгодных и развивающихся торговых отношениях, когда суда, пусть даже одной из сторон, совершают регулярные рейсы, мы, без сомнения, отдадим предпочтение торговым кораблям. Так имеет ли смысл рассматривать военные многовесельные корабли, о которых говорит Д. Харден, как возможных участников “Тирийско-Таршишской” торговли? История взаимоотношений между финикийцами и народом, заселявшим территорию юго-запада

¹¹ Шифман И.Ш. Культура древнего Угарита. М., 1987. С. 42.

¹² Циркин Ю.Б. Указ. соч. С. 150.

¹³ Харден Д. Указ соч. С. 193.

Испании, в некоторой степени позволяет представить нам характер этой торговли и задействованные в ней суда вплоть до конца девятого века.

Из письменных источников мы узнаем, что эти отношения складывались достаточно сложно с самого начала. О двух безуспешных попытках основать Гадес и закрепиться на побережье Пиренейского полуострова сообщает Страбон (V.5). Видимо, местное население встретило будущих колонистов враждебно. В надежде добраться до испанского серебра финикийцы, по мнению И.Ш. Шифмана¹⁴ и А. Шултена¹⁵, были вынуждены основать колонию Ликс на африканском побережье за Геркулесовыми Столбами. Третья попытка оказалась более удачной, и вслед за основанием Гадеса на испанском берегу возникают колонии Утика и Карфаген на севере африканского континента. Еще одной опорной точкой становится Мотия на западе Сицилии. Эти ключевые города контролировали узкий проход из Центрального Средиземноморья к Гадесу. Здесь мы вновь сталкиваемся с дискуссионным вопросом о времени основания колоний. Не затрагивая всех точек зрения по данной проблеме, отметим только, что самая древняя финикийская надпись Западного Средиземноморья, найденная на юге Сардинии, относится к IX в. В ней идет речь о неудачной экспедиции в Таршиш некоего Шабона, который там и погиб, а его сын Милкйатон увел корабли в Сардинию¹⁶. Как видно из этого текста, в отношениях между финикийцами и иберами продолжает сохраняться напряженность. По мнению А. Аррибаса, в период между XII и VIII вв. до н. э. торговая деятельность финикийцев основывалась лишь на эпизодических контактах без создания колоний¹⁷. “Типы финикийских поселений подтверждают это предположение, так как они в большей степени временные и, судя по характеру, зависели от обмена легко портящимися товарами”, — заключает археолог¹⁸.

То, что мы узнаем из рассказа Диодора о вывозимом из Испании и Сицилии серебре, также нуждается в оценке. По словам античного автора, финикийцы, нагрузив свои суда доверху серебром, снимают свои обычные якоря и меняют их на серебряные (Diod. V.35). Если бы перевозка столь ценного груза осуществлялась регулярными рейсами, не было бы необходимости перегружать суда сверх меры, менять старые якоря на новые, рискуя их потерять. Это может говорить только о том, что экспедиции финикийцев были не часты и, не будучи уверенными во времени, а главное, в успехе очередного предприятия, свои суда моряки загружали максимально. Для таких полупиратских экспедиций военные корабли подходили идеально. Здесь, наверное, будет уместно вспомнить тот образ финикийского купца —

¹⁴ Шифман И.Ш. Возникновение Карфагенской державы. М.—Л., 1963. С. 23–25.

¹⁵ Schulten A. Tartessos. Hamburg, 1950. S. 34–35.

¹⁶ Циркин Ю.Б. Указ. соч. С. 226.

¹⁷ Аррибас А. Указ. соч. С. 38.

¹⁸ Там же. С. 38.

Φοίνικες ναυσίκλυτοι ἤλυθον ἄνδρες,
τρῶκται

(“прибыли финикийские мужи, мошенники, славные своими кораблями”; или “хитрые гости морей” в переводе В.И. Жуковского [Hom. *Odys.* XV.415–16]), — который сложился со времен Гомера. Перед нами предстает в одном лице и торговец, и похититель людей. Жертвами финикийских пиратов стали и свинопас Евмей (*ibid.* XV.472–475), и дочь аргосского царя Ио (*Hdt.* I.1.5), и жрицы храмов (*ibid.* II.54).

В любом случае, как для обеспечения безопасности укрепленного поселения (Гадес [Гадир] — “укрепленное место”), вынужденного находиться во враждебном окружении, так и для совершения торговых сделок на недружественной территории, ради собственной же безопасности, требовалось присутствие военного флота или достаточное количество вооруженных людей на кораблях. Боевые суда раннего финикийского типа, представленные на барельефе из Ниневии, были шире и выше будущих триер и вполне могли взять на борт груз весом до 10 т. Доставляя в Таршиш “легко портящийся товар”, масло, безделушки (ἀθύρματα [Hom. *Odys.* XV.416]), ткани, изделия из слоновой кости, они грузились дорогим металлом и возвращались домой¹⁹.

Мы не знаем, в каком объеме поступало серебро и золото из Тартесса. Согласно тексту Библии (3-я книга царств. 9.28), из Офира ко двору царя Соломона на двух судах было доставлено 420 талантов золота, что составляет около 12,5 т. Разделив на два, получим по 6 т. на каждое судно. Вряд ли стоит доверять сообщению Писания о таком количестве привезенного золота. Скорее всего, эта цифра завышена, с целью усилить впечатление о богатстве и могуществе царя Израиля. Серебро Таршиша превосходило золото по объему перевозок, но на раннем этапе, учитывая нестабильность торговых отношений, эти объемы еще были не велики.

Вышеперечисленные обстоятельства позволяют предположить, что до конца IX в. перевозка драгоценных металлов — золота и серебра — вполне могла осуществляться военными судами.

Ко второй половине IX в. на Пиренеях складывается новое государственное образование — Тартессийская держава. Это потребовало от финикийцев более активных действий по выводу колоний на испанские территории. Очевидно, тартессийский царь Герион, правивший в начале VIII в., поддерживал с Тиром активные торговые отношения. Археологические находки в Эль-Асебучале, Кармоне, Сетефилье и Карамболо, указывают на то, что район Тартесса был

¹⁹ *Blazques J.M.* Tartessos y los origins de colonizacion fenicia. Salamanca, 1975. P. 44–45; Aguayo De Hoyos P. Op. cit. P. 70–71.

подвержен сильному восточному влиянию²⁰. В это время на побережье Испании возникает целая сеть финикийских поселений, которые концентрируются между реками Гвадалорсе и Гранде, что подтверждается находками там финикийской керамики VIII в.²¹ Относительно спокойная политическая ситуация на Пиренеях сохраняется до последней четверти восьмого столетия. Увеличение пришлого населения, занятого в добыче и торговле металлами, а также разработка месторождений свинца и олова приводят к росту объемов морских перевозок что, в свою очередь, требует привлечения большего количества судов и в первую очередь — торговых. Меняется и характер перевозимых грузов. Если во времена Хирама и Соломона это было серебро и золото, то в конце девятого века в Пророчестве Иезекииля среди товаров перечисляется серебро, олово, железо, свинец (27.22).

Изображение торгового финикийского судна VIII в. мы можем, видеть на рисунке из усыпальницы одного египетского вельможи (рис. 3). Это “круглый” торговый корабль с почти симметрично поднятыми носом и кормой. Вероятно, именно такой корабль греки называли γαῦλος — “финик” (Hdt. III.136, 137; Plut. *De tranquil. an.* 466 B; ἡ πλοῖον τι φορτηγὸν Φοινικικὸν, ἡ ἄκατος [Suda. s. v.]). Конструкция его корпуса напоминает конструкцию греческого судна IV в. до н. э., обнаруженного близ города Кирения на Кипре (длина — 14 м., ширина — 4 м., грузоподъемность до 15 т., см. рис. 4)²². Такие размеры судна и тоннаж не исключали возможность его использования в морской торговле между финикийскими колониями в Испании и Левантом. Однако, исходя из соображений экономической выгоды, время, затраченное на дальний переход, должно окупаться прибылью от продажи привезенного товара. Отсюда следует, что грузместимость судов, отправляющихся за товаром в дальние рейсы, должна была быть больше.

В 1997 г. в 33 морских милях от береговой черты между Египтом и Сектором Газы на глубине 400 м. американскими и израильскими исследователями были обнаружены следы крушения двух судов²³. Работы, начавшиеся в 1999 г., дали следующие результаты. Сами корабли, предположительно, являлись финикийскими и осуществляли перевозку товаров на линии, соединяющей древний морской порт Ашкелон с Египтом и Карфагеном. Амфоры и керамическая посуда, составлявшие груз судов, были датированы VIII в. до н. э. (рис. 5).

Исследование мест кораблекрушения велось с помощью глубоководного аппарата, на котором были установлены фотокамеры, позволившие составить подробный план расположения груза на донной поверхности. По лежащим на дне

²⁰ *Aguayo De Hoyos P.* Op. cit. P. 71–73.

²¹ *Wagner C.G.* Op. cit. P. 37; Арибас А. Указ. соч. С. 37 и др.

²² *Katzev M.L.* Lost Harbor for the Oldest Ship // NGM. 1974. P. 6–18; *Katzev M.L.* Resurrecting the Oldest Known Greek Ship // NGM. 1970. № 6. P. 857 и др.

²³ *Ballard R.D., Stager L.E., Master D.* Iron Age Shipwrecks in Deep Water off Ashkelon, Israel // AJA. 2002. Vol. 106. № 2. P. 151.

амфорам приблизительно удалось установить ширину и длину корпуса судов. Эти финикийские корабли чем-то напоминали “Кирению”, но были шире и имели более высокие борта. Скопление груза на месте крушения “Tanit” занимало на донной поверхности участок 4,5 м. в ширину и 11,5 м. в длину. Это позволило оценить полную ширину корпуса в 6,5 м., а длину — в 14 м. Участок “Elissa”, занимавший 5 м. в ширину и 12 м. в длину, дал приблизительные размеры судна в 7 м. и 14,5 м. соответственно. Грузоподъемность этих судов была свыше 25 т., т. е. больше, чем грузоподъемность “Кирении” (14 т.). Груз “Tanit”, состоял из 385 амфор, на борту “Elissa” их было 396. Исследователи подчеркивают, что, возможно, это был только верхний ряд, а остальная часть керамической тары находится ниже. Амфоры, в которых, очевидно, перевозилось вино, хорошо узнаваемые (рис. 5.5, 5.6). Это так называемые финикийские “торпеды”²⁴, которые, по мнению С. Гева и М. Вегаса²⁵ производились специально для транспортировки морем.

“Морские контейнеры” “Tanit” и “Elissa” вмещали 17,8 литров жидкости, а их размеры составляли в среднем 68,8 см. по высоте и 22,3 см. по ширине. Форма тулова амфор позволяла удобно разместить их в трюме судна, а небольшие ручки, совсем неудобные при переноске по суше, позволяли располагать амфоры достаточно близко друг к другу и служили своего рода рымом²⁶ для сцепки груза веревками. Такая операция была необходима, поскольку смещение груза во время качки могло привести к потере остойчивости судна и крушению. В IX и VIII вв. эти амфоры получают распространение на территории Леванта и североафриканских колоний (рис. 8). Не исключено, что суда, подобные “Tanit” и “Elissa”, заходили и в Тартесс.

Обнаруженный на борту судна “Elissa” красноглиняный кувшин с “грибовидным горлышком” (рис. 5.1) идентичен керамике VIII в., встречающейся в Эр-Ретабехе (рис. 7) и близок по стилю кувшину, найденному в Торре-дель-Мар (Малага [рис. 6]). Если присмотреться внимательно к египетскому рисунку (рис. 3), можно заметить, что между штевнями кораблей изображен сосуд, очень похожий на один из таких кувшинов, “которые являлись “визитной карточкой” финикийцев от Леванта до Геркулесовых Столбов”²⁷.

По мнению Р. Балларда, корабли, обнаруженные близ Ашкелона, напоминают грузовые суда “из Ниневии” (рис. 1). Такие же высокие борта, широкий

²⁴ Ballard R.D., Stager L.E., Master D. Op. cit. P. 160.

²⁵ Vegas. M. Eine archaische Keramikfüllung aus einem Haus am Kardo XIII in Karthago // Römische Mitteilungen. 1999. №. 106. S. 395–438; Geva. S. “Archaeological Evidence for the Trade between Israel and Tyre?” // BASOR. 1982. №. 248. P. 69–72 (Цит. по: Ballard R.D., Stager L.E., Master D. Op. cit. P. 159).

²⁶ Металлическое кольцо, которое в зависимости от места крепления служит для удобства транспортировки грузов, такелажных работ, швартовки и т. д.

²⁷ Ballard R.D., Stager L.E., Master D. Op. cit. P. 163.

корпус и достаточно большая грузместимость. “Возможно, такие суда в восьмом веке были известны как “суда Таршиша”, — заключает археолог²⁸.

Интересно, что Д. Харден и Р. Баллард, ссылаясь на один и тот же барельеф, подразумевают под названием “суда Таршиша” разные корабли. Это противоречие может иметь место лишь в том случае, когда мы рассматриваем сразу оба типа судов в какой-то отдельно взятый исторический отрезок времени.

“Суда Таршиша” совершали свои плавания к берегам Испании на протяжении столетий. Происходившие в период между XII и VII веками изменения в политической и экономической жизни всего Средиземноморья не могли не отразиться на характере морской торговли. У каждой исторической эпохи есть свои отличительные черты, свой качественный уровень развития экономики, где морская торговля и флот выступают в роли “лакмусовой бумажки”. Поэтому если мы говорим о периоде предколонизации (XII—IX вв.)²⁹, когда торговые отношения между Тиром и Тартесом носили спорадический, а зачастую немирный характер, нет ничего удивительного в том, что серебро и золото как главный источник богатства Тира того времени доставлялось в Левант военными кораблями. В IX в. ситуация становится иной. Это время финикийской талассократии. В Западном Средиземноморье возникает целая сеть новых колоний, основанных преимущественно выходцами из Тира. Железный век диктует свои условия, меняются приоритеты. Железо, свинец, олово, становятся товаром номер один. Разрабатываются новые месторождения металлов. Морская торговля финикийской державы выходит на новый уровень. Растут объемы перевозок и интенсивность морского судоходства, что в конечном итоге приводит к появлению значительного количества торговых судов, занятых в транспортировке различных товаров из колоний и метрополии.

Отсюда можно сделать вывод о том, что библейское выражение “суда Таршиша” дает указание на те корабли, которые осуществляли перевозку грузов из Испании в Левант на протяжении XII—VIII вв. Для более точного определения типа судов, участвующих в торговле Тира с Тартессом, необходимо представлять, о каком конкретно историческом периоде идет речь в Писании. Таким образом, если мы рассматриваем возможные типы “судов Таршиша” с учетом политической и экономической ситуации в Средиземноморье, а также принимаем во внимание уровень развития морской торговли, характер и количество перевозимого груза в эпоху бронзы и железного века, кажущееся несоответствие в предположении Д. Хардена и Р. Балларда устраняется.

²⁸ Ballard R.D., Stager L.E., Master D. Op. cit. P. 166.

²⁹ Wagner C.G. Fenicios y cartagineses en la Peninsula Iberica. Madrid, 1983. P. 9–14; Цуркин Ю.Б. Указ. соч. С. 116 и др.

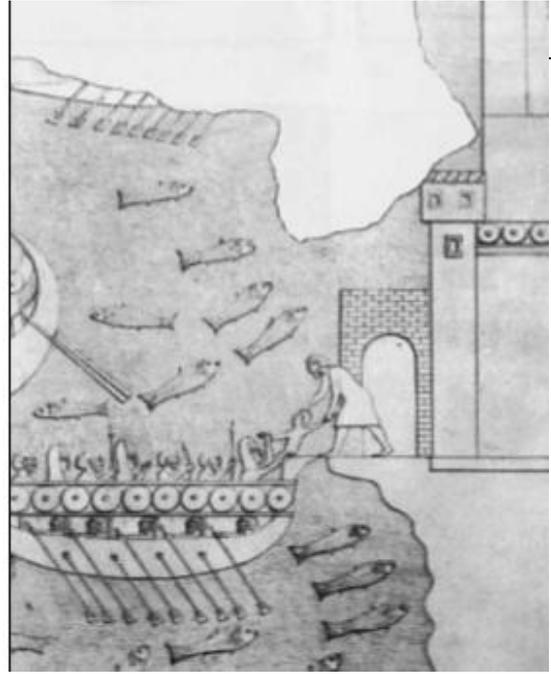

Рис. 1. Фрагмент барельеф Ниневии. Из: *Harden D. Le Grandi Civiltà alla scoperta del passato. P. 37–38.*

Рис. 2. Фрагмент барельеф из Хорсабада. Из: *Harden D. Ibidem.*

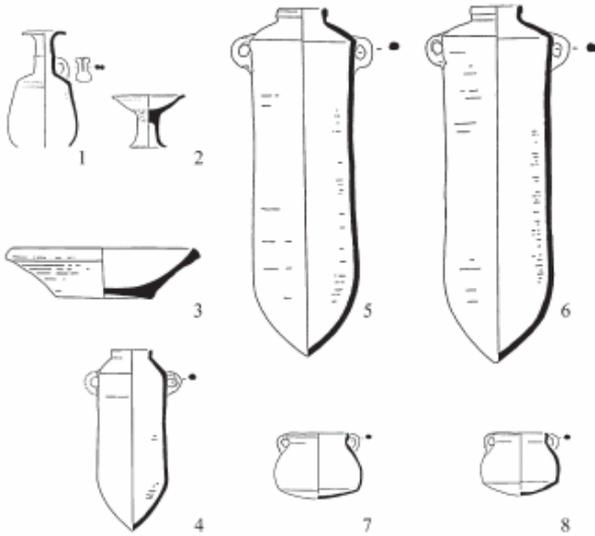
Рис. 3. Рисунок из египетской гробницы.

Рис. 4. Копия древнегреческого торгового судна, затонувшего 2300 лет назад близ Кирении (Курьер Юнеско. 1987).

Рис. 5. Амфоры и посуда поднятые и восстановленные с мест кораблекрушения "Tanit" и "Elissa". Из: Ballard R.D., Stager L.E., Master D. Iron Age Shipwrecks in Deep Water off Ashkelon, Israel // AJA. 2002. Vol. 106. № 2. P. 158, 159. Fig. 7, 8.

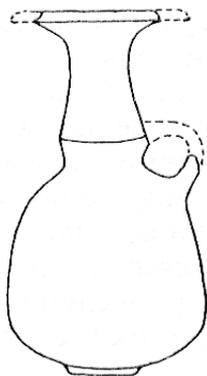

Рис. 6. Краснолощенный глиняный кувшин с “грибовидным” горлом. Торре-дель-Мар (Малага). (Из: *Harden D.* Op. cit. Fig. 41).

Рис. 7. Керамика из Эр-Ретабеха (Египет) (Из: *Harden D.* Op. cit. Photo 111).

Рис. 8. Карта распространения финикийских амфор (AS99. 009). Из: *Ballard R.D., Stager L.E., Master D.* Op. cit. P. 161. Fig. 10.

Кузнецова Е.В. (Саратов)

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНОЙ ТОРГОВЛИ (НА ПРИМЕРЕ КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ФАНАГОРИЙСКОГО ГОРОДИЩА)

Первостепенная роль торговли в экономике античных государств предопределила повышенный к ней интерес со стороны исследователей. Отдельные моменты торговых отношений освещаются письменной традицией. Однако сведения античных авторов слишком отрывочны и не дают возможности точно определить даже номенклатуру товаров, не говоря уже об объемах экспорта—импорта продукции разных центров¹.

В такой ситуации основным источником для изучения динамики торговых отношений в течение определенного хронологического промежутка может стать керамическая тара (прежде всего остродонные амфоры) при условии выработки приемов фиксации и анализа материала. Существовавшие до недавнего времени методы его обработки — а, скорее, их отсутствие — сделали практически невозможным использование данных, полученных в ходе раскопок прошлых лет.

А между тем, керамическая тара имеет существенное преимущество перед другими археологическими находками, так как амфорные остатки представлены на всех памятниках античности в большом количестве, а это облегчает сравнение керамических комплексов различных поселений. Эта категория археологического материала отражает основные направления движения потоков товаров, а главное, поддается и качественной и количественной оценке². Проблема заключается лишь в отсутствии удобных, а, главное, апробированных приемов работы с этой категорией исторических источников.

Однако долгое время внимание исследователей было сосредоточено только на изучении клейменной керамической тары, что обусловлено рядом объективных причин. Во-первых, найденные при раскопках клейма всегда тщательно фиксировались (они привлекали внимание, прежде всего, как эпиграфические памятники)³. Во-вторых, они обычно попадали в музейные фонды, т. е. были доступны для ознакомления (правда, до сих пор существуют коллекции клейм, не подвергавшиеся специальному изучению). В-третьих, этот материал хотя бы частично публиковался, что облегчало исследователям работу с ним. В силу этих обстоятельств довольно рано начали предприниматься попытки локализации клейм,

---

¹ Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли. М., 1984. С. 11–13.

² Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. М., 1960. С. 39; Брашинский И.Б. Методы... С. 21–22.

³ По свидетельству Н.И. Мурзакевича, в начале XIX в. жители Парутино откалывали клейменные ручки от амфор и продавали их коллекционерам. См. Кац В.И., Тункина И.В. Зарождение керамической эпиграфики в России // АМА. 1990. Вып. 8. С. 118.

разработки их классификаций и определения хронологических рамок той или иной группы. В результате, на сегодняшний день разработаны не только достаточно узкие датировки клейменной тары разных центров производства, но и методика использования клейм в исследовании экономических связей, что дает этой категории археологического материала видимые преимущества перед остальными.

Однако, говоря о возможностях, открываемых изучением клейменной керамической тары, не стоит забывать, что практика систематического клеймения появляется только на рубеже пятого и четвертого вв. до н. э. В архаический и раннеклассический периоды отпечатки на различных амфорах также встречаются, но их количество (в силу спорадичности клеймения) столь незначительно, что не может отражать реально существовавшей картины торговых отношений. Для VI – V вв. до н. э. основным источником при изучении этого вопроса является неклеяная керамическая тара.

На протяжении длительного периода к массовому амфорному материалу относились без должного внимания, и он не подвергался специальному изучению. Однако уже восемьдесят лет назад М.И. Ростовцев указывал на необходимость “исследовать всю серию амфор... путем химического анализа глины и сравнительного анализа форм сосудов”, отмечая, что работа эта “кропотливая и трудная, но обещающая самые богатые результаты”⁴. На этот призыв исследователи откликнулись не сразу. Примерно с 40-х годов прошлого века в некоторых экспедициях предпринимались попытки анализа фрагментов амфор. Производился подсчет профилированных частей и амфорных стенок, предварительно распределенных по центрам производства. Сопоставление результатов подсчета использовалось для характеристики экономической жизни поселения. Однако при отсутствии разработанных типологий керамической тары локализация фрагментов производилась по большей части визуально, по особенностям глины, что не всегда под силу даже специалистам. Недостатки подобного приема очень скоро стали очевидны. Выявилась необходимость в разработке типологических классификаций различных серий амфор⁵.

Первым шагом в этом направлении стал капитальный труд И.Б. Зеест “Керамическая тара Боспора”, долгое время являвшийся единственной монографией подобного рода. Автор проделала большую работу по локализации отдельных групп керамической тары, разработке классификаций, выяснению закономерностей изменения морфологических признаков сосудов.

Выводы, полученные И.Б. Зеест в ходе многолетнего труда, не оставались неизменными, подвергаясь проверке, исправлениям и дополнениям. Вышло нема-

---

⁴ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 175.

⁵ Зеест И.Б. Задачи исследования массового античного керамического материала // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 10.

ло работ, как в отечественной, так и в зарубежной литературе⁶, посвященных отдельным категориям и типам амфор. В связи с тем, что амфоры, а чаще всего их фрагменты, нередко выступают в качестве единственного датирующего источника для определения времени археологического комплекса или памятника в целом, была ясна “острая необходимость продолжения разработки обоснованной и более детальной хронологии керамической тары”⁷. Эта работа осложнялась тем обстоятельством, что большинство публикаций, содержащих сведения об амфорном материале, не имели детальных чертежей сосудов и их фрагментов. Поэтому исследователям приходилось лично, в буквальном смысле слова, отыскивать амфоры в музейных собраниях, что значительно затягивало процесс обработки материала. Впрочем, и на современном этапе эта ситуация не претерпела значительных изменений.

К началу 90-х годов было накоплено огромное количество необработанных коллекций керамической тары. В свете новых свидетельств все очевиднее становилась необходимость в новом труде, обобщающем новейшие достижения. А.П. Абрамов попытался создать каталог-определитель профилированных частей амфор, обосновывая это тем, что именно *фрагменты* сосудов, а не *целые формы*, в основном представлены на античных памятниках⁸. Исходя из этого, он предложил свою классификацию, опираясь на изменения форм и размеров амфорных венцов, ножек и, в меньшей степени, ручек. Автор совершенно прав в важности именно такой типологии для полевой археологии, однако, пренебрежение общей морфологией сосудов ставит под сомнение многие сделанные им выводы. По-видимому, исследователь и сам осознает уязвимость своей системы, поэтому в последние годы большее внимание уделяет *целым формам*⁹. Справедливости ради необходимо отметить, что на протяжении ряда лет классификация А.П. Абрамова оставалась единственным “пособием” для полевых археологов.

С другой стороны подошел к решению проблемы С.Ю. Монахов, считающий необходимым прежде обратиться именно к *целым сосудам* и с учетом их морфологических изменений разработать стройные типологические схемы. Только после этого “логично перейти к разработке типологии профильных частей...”¹⁰. Непременным условием исследования, по мнению автора, является охват максимально

---

⁶ Roberts S.R.; Glock A. The Stoa Gutter Well a Late Archaic Deposit in the Athenian Agora // *Hesperia*. 1986. Vol. 55. № 1; Mattingly H.B. Coins and Amphoras – Chios, Samos and Thasos in the Fifth Century B.C. // *JHS*. 1981. Vol. 101; Johnston A.W. Aegina, Aphaia-Tempel XIII. The Storage Amphorae // *Archaeologischer Anzeiger*. 1990. Hft. 1; Рубан В.В. Опыт классификации так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья // *СА*. 1991. № 2; Завойкин А.А. Классификация фрагментов самосских амфор из Фанагории // *СА*. 1992. № 3 и др.

⁷ Брашинский И.Б. Методы... С. 147.

⁸ Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // *БС*. 1993. Вып. 3. С. 4.

⁹ Его же. Типология и хронология клазоменских амфор // *ДБ*. 2001. Вып. 4; его же. Типология и хронология амфор о. Хиос // *ДБ*. 2002. Вып. 5; его же. Типология амфор Фасоса // *ДБ*. 2000. Вып. 3.

¹⁰ Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э. Саратов, 1989. С. 17.

большого объема известного материала. В течение нескольких лет вышел ряд его статей, посвященных амфорной таре отдельных центров: ее идентификации и выявлению закономерностей изменения морфологических признаков¹¹. Обращая внимание на важность разработки детальной и как можно более точной хронологии, исследователь привлекает для анализа около двухсот комплексов, зачастую дающих узкие датировки и позволяющих выявить группы синхронной тары¹².

Опираясь на полученные результаты, исследователь недавно предложил обновленные типологические и хронологические классификации основных групп греческой керамической тары и проследил динамику типо-стандартов по отдельным центрам производства¹³. Автором проанализирован большой объем материала, значительная часть которого ранее не публиковалась. Работа базируется на анализе изменений морфологических характеристик целых форм и сопровождается таблицами, содержащими метрические параметры амфор. Предложенные типологии иногда представляются излишне дробными и в силу этого сложными для восприятия. Обилие большого количества различных названий типов и вариантов также не облегчает работы археологам. Рисунки сохранившихся сосудов, представленные в монографии, в большинстве случаев сопровождаются чертежами профильных частей. Однако большое их разнообразие (особенно венцов) делает необходимым создание специальной работы, которая послужила бы именно каталогом-определителем для идентификации фрагментов во время проведения раскопок. На сегодняшний день данная монография представляет собой наиболее полную и разработанную типологическую характеристику керамической тары.

С появлением стройных разработанных типологий появилась возможность выработки новых методов изучения *неклеяемой керамической тары*. В результате развития археологической науки объем источников неуклонно и быстро возрастает, что усложняет задачи, связанные с их исследованием. На повестку дня выдвигается необходимость разработки практических приемов обработки и анализа археологического материала. Еще в конце 50-х годов для выяснения соотношения импорта из разных производственных центров Н.Н. Погребова сопоставляла количество найденных при раскопках амфорных ножек, беря их процентные значения¹⁴. Однако автор использовала слишком широкий хронологический диапазон (IV — III вв. до н. э.), что не позволило проследить колеба-

¹¹ Монахов С.Ю. Амфоры типа Муригиоль // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов на Дону, 1990; *его же*. Заметки по локализации керамической тары: амфоры и амфорные клейма Колофона // ВДИ. 1990. № 4; *его же*. Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры. Саратов, 1992 и др.

¹² *Его же*. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары. Саратов, 1999. Этой монографией в научный оборот было введено более 200 комплексов, охватывающих период с конца VII по первую половину II вв. до н. э.

¹³ *Его же*. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003.

¹⁴ Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. 1958. Т. 64. С. 142 сл.

ния в торговле, если таковые имели место. При анализе материала не учитывалась и разница в стандартах амфор.

На необходимость определения емкости сосудов и использования полученных результатов в процессе изучения античной торговли также обратил внимание И.Б. Брашинский¹⁵, с учетом этих требований был проанализирован амфорный комплекс, полученный в результате раскопок поселений конца VI–V вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье¹⁶. Этот же исследователь, говоря о методе подсчета количества амфор по сохранившимся ножкам (археологически целым), отмечал, что использование других профильных частей (венцов и ручек) для той же цели возможно, но довольно затруднительно в силу отсутствия их тщательной и систематической фиксации.

В начале 90-х годов отдельными исследователями предпринимались попытки анализа керамического комплекса в целом. Так, Е.М. Алексеева в ходе раскопок раннего поселения на берегу Анапской бухты учитывала не только ножки, но и другие амфорные фрагменты (этот учет ограничивался простым их подсчетом, без деления на венцы, ручки и т. д.). Сопоставление материала производилось не в масштабах всего памятника, а в рамках небольших комплексов — полуземлянок и перекрывавших их помещений¹⁷. Из представленных в монографии таблиц видно, что фрагменты амфор какого-либо центра далеко не во всех случаях сопровождаются ножкой сосуда того же производства¹⁸. Естественно, в масштабе целого поселения подобные различия, скорее всего, нивелируются, но для характеристики отдельных комплексов их выявление представляется немаловажным.

Итак, требовалась методика, позволяющая при анализе керамической тары использовать не только ножки, но и другие профильные части. Между тем, таковая была предложена С.М. Коляковым еще в 1975 г.¹⁹, но по непонятным причинам фактически не привлекла внимание исследователей²⁰. Автор считает не слишком удачным метод простого сравнения числа фрагментов венцов различных производственных центров, т. к. из-за отличий в физических свойствах материа-

---

¹⁵ Брашинский И.Б. Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары // СА. 1976. № 3. С. 20, 87.

¹⁶ Охотников С.Б. Поселения VI–V вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье // Исследования по античной археологии юго-запада Украинской ССР. Киев, 1980. С. 90; *его же*. Из истории торговых связей архаических поселений Нижнего Поднестровья // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981. С. 43–45. Автор отметил, что учет емкостей амфор не привел к существенным изменениям выводов.

¹⁷ Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991.

¹⁸ Там же. С. 10, 12, 17.

¹⁹ Коляков С.М. Амфоры городища “Чайка” (применение метода пересчета в условно-целые сосуды при исследовании керамического комплекса) // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975.

²⁰ Впрочем, подобное “невнимание” можно объяснить большой трудоемкостью предложенной методики.

ла (в частности, в степени хрупкости глин), “венчики различных типов при разбивании образуют неодинаковое число фрагментов”²¹. И действительно, к примеру, фрагменты массивных венцов пухлогорлых амфор Хиоса зачастую имеют большую сохранность, чем, скажем, фасосские. В связи с этим исследователь предлагает производить пересчет фрагментов керамики в условно-целые амфоры (у.ц.а.) с использованием нескольких формул:

$$\text{для венцов} - n = \frac{\Sigma\alpha}{360^\circ},$$

где n — число условно-целых амфор;

$\Sigma\alpha$ — сумма углов сохранности всех фрагментов из одного центра;

360° — полная окружность в градусах.

$$\text{для ручек} - n = \frac{\Sigma\rho\nu}{2} \text{ или } n = \frac{\Sigma\rho n}{2},$$

где n — число условно-целых амфор;

$\Sigma\rho\nu$ — число всех фрагментов, содержащих верхние прилепы;

$\Sigma\rho n$ — число всех фрагментов, содержащих нижние прилепы;

$$\text{для ножек} - n = \Sigma_1 + \frac{\Sigma_2}{2} + \frac{\Sigma_3}{1,33} + \frac{\Sigma_4}{4} \text{ или } n = \Sigma_1 + \frac{\Sigma_2}{2} + \frac{3\Sigma_3}{4} + \frac{\Sigma_4}{4},$$

где n — число у.ц.а.;

$\Sigma_1, \Sigma_2, \Sigma_3, \Sigma_4$ — сумма фрагментов соответствующей сохранности,

2; 1,33; 4 — коэффициенты, сводящие число фрагментов той или иной сохранности (1 — целая ножка, 2 — половина, 3 — больше половины, 4 — меньше половины) к условно-целым ножкам²².

Автор заостряет внимание на необходимости деления материала на хронологические группы и типы.

Как уже отмечалось, данная методика не нашла отклика среди исследователей. Единственным продвижением вперед стало понимание того, насколько важно учитывать различия стандартов греческих амфор²³. А.П. Абрамов проанализировал керамический комплекс Патрейского городища из раскопок 1985 — 1988 гг., взяв за основу количество найденных ножек и обращая внимание на разницу в стандартах амфор, представленных на городище центров производства. Проведенное исследование привело к следующим результатам: основными экспортными вина в Патрей во второй половине VI — первой половине V в. до н. э. являлись Хиос и Лесбос, вслед за которыми шли центры Северной Эгейды. В экспорте оливкового масла значительная роль принадлежала Клазоменам.

²¹ Коляков С.М. Амфоры городища... С. 241.

²² Там же. С. 243–244.

²³ Абрамов А.П. Новые данные о торговых связях Боспора в VI–V вв. до н. э. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 247; Монахов С.Ю. Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С. 164.

Г.А. Ломтадзе в своей диссертации использовал подобную методику для сравнительного анализа объемов импорта продукции, перевозимой в керамической таре, на основе материала с нескольких поселений Европейского и Азиатского Боспора²⁴.

Таким образом, теория применения принципов обработки и анализа материала разработана достаточно четко, а отдельные ее составляющие уже неоднократно использовались в конкретных исследованиях. На практике методика, предложенная С.М. Коляковым, была комплексно опробована при исследовании керамической тары У7 поселения Панское I и поселения Волна. К сожалению, полученные результаты пока не опубликованы, хотя они представляют определенный интерес.

Суммируя все наработки в этой области, можно предложить следующую схему обработки материала, его фиксации и дальнейшего использования при изучении вопросов, касающихся торговых отношений греческих полисов на примере крупнейшего города азиатского Боспора — Фанагории.

Прежде всего, необходимо помнить, что при исследовании нельзя пользоваться материалами закрытых комплексов, т. к. в них могут быть представлены “иные соотношения, резко колеблющиеся в разные стороны от средних”. В то же время, при статистическом анализе правомерно использование не всего массива материала с какого-либо памятника, а достаточно репрезентативных выборок²⁵.

Первоначально выделяются группы керамической тары по центрам производства. В рамках каждой группы материал распределяется по хронологическим периодам.

Следующим этапом является описание имеющихся находок. Специфика данной категории массового археологического материала заключается в необходимости тщательной его фиксации по определенной схеме. Фрагменты венцов и ножек обмеряются, и полученные измерения заносятся в таблицы (стандартные для венцов и варьирующиеся для ножек).

Для венцов:

№ п/п	№ по описи	Толщина венца	Толщина стенки	Н венца	Д устья	Сохранность в градусах	Примечание
-------	------------	---------------	----------------	---------	---------	------------------------	------------

Такое тщательное фиксирование — это определенное отклонение от методики С.М. Колякова, но, как кажется, вполне оправданное. Дело в том, что подобный подход позволяет при вычислении количества условно-целых амфор учитывать диаметр устья, что дает большее число сосудов, чем при пренебрежении

²⁴ Ломтадзе Г.А. Античный импорт на Боспоре в IV – начале III вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

²⁵ Брашинский И.Б. Методы... С. 54, 62.

этим показателем. Кроме того, при подсчете можно учитывать высоту венчика, допустив, что разница высот в пределах одного венца не может превышать 0,7 см. То же самое касается толщины венчиков, только, вероятно, здесь можно понизить разницу до 0,3–0,4 см.: как представляется, такая подробность особенно актуальна для незначительных выборок с небольших поселений. В столбце “Примечание” указывается наличие краски/лака по венцу или под ним; наличие прилепа; сохранившейся части ручки (в этом случае учитываются и размеры последней); граффити или дипинти, если таковые имеются и т.п.

Нередко встречаются фрагменты венцов, диаметр которых довольно трудно определить в силу того, что их устье не строго круглой формы. Это особенно характерно для амфор Хиоса, имеющих небольшое сжатие со сторон прикрепления ручек. Такие фрагменты с неопределенным диаметром выделяются в отдельную таблицу. Туда же можно включить фрагменты, определить диаметр которых затруднительно из-за их небольшой сохранности.

Таблица для ножек более подробна, и с учетом существенных различий этих частей амфор в зависимости от центра производства она может подвергаться определенным корректировкам. В общих чертах она выглядит следующим образом:

№ п/п	№ по описи	D ₁	D ₂	D ₃	H	h	примечание
-------	------------	----------------	----------------	----------------	---	---	------------

где D₁ — диаметр ножки в месте наибольшего расширения;

D₂ — диаметр ножки в месте наименьшего расширения;

D₃ — диаметр углубления на подошве, если таковое имеется;

H — высота ножки;

h — глубина углубления.

При анализе комплекса не использовались амфорные ручки, так как многие из них отнести к какому-либо центру довольно затруднительно в силу отсутствия существенных морфологических различий, а их идентификация по глине также не может считаться точной. Во время раскопок эти фрагменты подвергаются лишь простому подсчету.

После составления таблиц производится подсчет условно-целых сосудов — отдельно по венцам и по ножкам. Нетрудно заметить, что фиксация материала подобным образом представляет собой довольно трудоемкий процесс. Поэтому возникает закономерный вопрос — нельзя ли ограничиться подсчетом только амфорных ножек? Отражает ли он реальную картину колебаний торговли? Для ответа на этот вопрос целесообразно построить отдельные таблицы по венцам и по ножкам. Их сопоставление покажет, существенны ли получаемые расхождения (если таковые вообще возникают) или ими можно пренебречь. В последнем случае отпадет необходимость столь подробного описания материала, что значительно облегчит обработку керамических комплексов. Провести простой подсчет но-

жек гораздо проще, правда, приходится констатировать тот нелицеприятный факт, что даже такая работа в экспедициях зачастую не производится.

Как отмечалось выше, на современном этапе уже нельзя ограничиваться выяснением имеющегося количества сосудов, не используя данные метрологических исследований²⁶. Тем более, что в этом направлении в последние годы наметились значительные успехи.

А.П. Абрамов предлагает рассматривать амфоры каждого отдельного экспортера, разделяя их по типам, под которым понимается “серия амфор одного центра производства, имеющие близкие показатели объемов и не различающиеся по каким-либо ярким морфологическим признакам”²⁷. Общий объем типа получается в результате простого перемножения условно-целых амфор (у А.П. Абрамова — количества ножек) и среднего объема; “сумма общих объемов типов дает суммарный объем каждого отдельно взятого центра”²⁸. Как правило, исследователи получают данные средних объемов в результате простого вычисления средней арифметической между показателями максимальных и минимальных емкостей амфор одного типа. Однако правомерность применения подобной системы подсчета вызывает определенные сомнения. Прибегая к ней, авторы фактически признают, что на каждую полностандартную амфору приходилась одна фракционная, на практике же последние при раскопках встречаются значительно реже. В этом случае, как кажется, вполне приемлемо несколько завышать средние арифметические данные для получения более реальных значений.

Для наглядности полученные результаты объемов отображаются на графиках или в таблицах.

Применение вышеизложенной методики позволяет дать характеристику торговым отношениям отдельного полиса в определенный период: выявить его основных контрагентов и вычислить долю каждого из них в общем объеме поставок.

В общих чертах состав амфор керамических комплексов Северопричерноморских городов архаического и раннеклассического периода определился уже давно. В них представлены сосуды Лесбоса, Хиоса, Клазомен, неустановленных центров Северной Эгеиды (т. н. “протофасосские” амфоры по И.Б. Зеест). Тара этих центров локализуется достаточно надежно. Гораздо сложнее обстоит дело с амфорами таких крупных поставщиков как Самос и Милет. Слабая изученность архаических слоев поселений и незначительное число закрытых комплексов этого

---

²⁶ Можно возразить, что при явном доминировании импорта из какого-либо центра можно пренебречь данными по метрологии его амфор. В качестве доказательства обратного очень интересны высказывания В.П. Былкова о том, что доля хиосских амфор на Белозерском поселении составляет 30%, а с учетом коэффициента стандарта — 46%. См.: *Былков В.П.* Амфорная тара на Белозерском поселении в устье Днепра (IV в. до н. э.) // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века.* Ростов-на-Дону, 2003. С. 25.

²⁷ *Абрамов А.П.* Новые данные... С. 247 сл.

²⁸ Там же. С. 254.

периода не позволяет достаточно надежно выявить серии амфор данных центров. В связи с этим приходится объединять амфорные фрагменты обоих полисов в одну группу под условным названием “Самос-Милет”.

В перечне основных центров-производителей, определившемся достаточно давно, вряд ли стоит ожидать значительных изменений, чего нельзя сказать о вопросе соотношения объемов импорта каждого полиса в совокупном объеме ввоза.

Традиционно считается, что с последней четверти VI и до начала IV в. до н. э. лидирующие позиции в импорте центров Северного Причерноморья занимал Хиос. Однако это не совсем так. Анализ керамического комплекса Фанагории, полученного в результате раскопок 2003 – 2004 гг. на участке “Верхний Город”, показал, что в последней четверти VI в. до н. э. экспорт центров Северной Эгеиды превышал вывоз Хиоса (см. табл. 1). Третье место принадлежит продукции “Самоса-Милета”, хотя обычно экспорту этих центров исследователи отводят незначительное место²⁹, с чем трудно согласиться.

Кроме названных основных центров в импорте Фанагории была представлена продукция Клазомен и неопределенных центров, амфоры которых имеют характерные массивные венцы. К последним относятся архаические амфоры Ионии, Массалии, Эвбеи, а также сосуды типа “a la brosse”, производство которых исследователи склонны связывать с аттическими мастерскими. На долю амфор с массивными венцами приходится 5,4% (2,3%)³⁰. Около 4% от общего объема составляют амфоры неизвестных центров.

Такое соотношение импорта различных центров сложилось на рубеже VI – V вв. В начале V в. под влиянием ионийского восстания в Малой Азии ситуация начинает меняться. К 490 г. с причерноморских рынков исчезает продукция Клазомен, значительно снижается объем импорта Самоса и Милета – последний, скорее всего, на некоторое время вообще прекратил торговую деятельность – и центров Северной Эгеиды. Их место занимает экспорт Хиоса, захвативший к 460 г. до н. э. практически половину фанагорийского рынка – 50,1% (46,5%). С учетом объемов амфор эти цифры на несколько процентов выше. Стоит отметить, что в самом начале века намечилось снижение совокупного объема поставок, продолжавшееся до того момента, пока Хиос не занял освободившиеся на рынке ниши. Правда, длился период спада недолго: не более 7–8 лет.

К середине века состав экспортеров вновь изменяется. Сходит на нет торговая активность центров Северной Эгеиды, значительно снизился импорт Лесбоса и Самоса-Милета, которые уже не смогли восстановить свои позиции на фанагорийском рынке. В то же время появляются новые торговые партнеры – Фасос, Менда и центр, перевозивший свою продукцию в так называемых амфорах

²⁹ *Абрамов А.П.* Новые данные... С. 256.

³⁰ Первая цифра – результат подсчета по венцам, в скобках – по ножкам.

с раздутым горлом. Кроме того, к 450 г. намечается уменьшение объема ввоза товаров с Хиоса, хотя он сохраняет за собой пальму первенства и в последующий период.

Для наглядности результаты анализа керамического комплекса Фанагории сведены в таблицы. Представленные в них данные показывают значительные расхождения итоговых цифр, полученных при подсчете ножек и венцов амфор. Особенно это характерно для фрагментов тары Хиоса и Лесбоса, причем в первом случае подсчет ножек дает меньшее число, чем подсчет венцов, а во втором — наоборот. Что касается Хиоса, то подобные отклонения объясняются тем, что на протяжении довольно длительного времени ножки его амфор претерпевали незначительные изменения, что затрудняет их распределение по типам и вариантам. В связи с этим, при обработке фрагментов хиосских амфор возможно ограничиться учетом только венцов, морфологические изменения которых выявляются очень четко. У лесбосских же амфор выделить хронологические варианты одинаково затруднительно и по венцам, и по ножкам особенно у красноглиняных сосудов, составляющих абсолютное большинство среди фрагментов тары Лесбоса, представленной в Фанагории. В такой ситуации избежать крайностей в подсчетах можно, используя средние значения количества условно-целых амфор³¹.

В заключение следует отметить, что обработка амфорных венцов наряду с анализом ножек хотя и увеличивает объем работы, но представляется весьма целесообразной, т. к. она позволяет дать более точную характеристику амфорного комплекса. К примеру, присутствующие среди керамического материала из Фанагории венцы амфор Массалии и Эвбеи не сопровождаются аналогичными ножками. К тому же, как уже отмечалось, отдельные типы и варианты тары некоторых центров гораздо надежнее выявляются по венцам.

Что касается учета различий в стандартах амфор, то при характеристике торговли в конце VI — начале V вв. до н. э. этим показателем можно пренебречь, так как сосуды практически всех центров-производителей имели в этот период близкие объемы (табл. 2). Небольшие стандарты были характерны только для амфор Менды, доля которой в общем объеме импорта на данном этапе весьма незначительна.

Во второй же четверти V столетия расхождения в стандартах довольно существенны. Учет объема сосудов особенно влияет на показатели ввоза продукции в т. н. “протофасосских” (по терминологии И.Б. Зеест) амфорах. В этот период он сокращается почти в три раза, в то время как без учета объема сосудов — на 50%.

Подводя итоги, можно сказать, что вышеизложенная методика позволяет выявить основные колебания в торговле греческих полисов и определить долю участия каждого центра-экспортера в общем объеме поставок. Наличие результатов

---

³¹ В этом случае у.ц.а. Лесбоса — 35, при доле в 16%; Хиоса — 38 при 17,5%.

анализа керамических комплексов различных поселений сделает возможным в дальнейшем проводить сопоставление данных в рамках одного или нескольких регионов.

Таблица 1

центры		кол-во ФР-в	конец VI—начало V вв. до н. э.			вторая четверть V в. до н. э.		
			у.ц.а.	%	% с уче- том V	у.ц.а.	%	с уче- том V
Клазомены	ножки	6	6	3,5	3,62			
	венцы	8	8	3,08	3,15			
Лесбос	ножки	68	40 (1 с/гл)	23,4 (0,58)	21,84 (0,56)	22	9,5	12,3
	венцы	184	29 (5с/гл)	11,21 (1,93)	10,5 (1,84)	20 (4с/гл)	5,8 (1,15)	4,64
Иония	ножки	4	4	2,5	2,53			
	венцы	14	14	5,4	5,79			
Самос- Милет	ножки	50	31	18,1	18,68	12	5,2	6,28
	венцы	123	48	18,53	18,9	39	11,4	14,14
"Прото- фасос"	ножки	112	54	31,5	29,45	49	21	13,45
	венцы	394	82	31,66	29,25	53	15,36	10,07
Хиос	ножки	141	24	14	16,54	108	46,35	48,5
	венцы	629	52	20,07	23,45	173	50,14	53,8
Фасос	ножки	29	9	5,23	5,42	27	11,6	15,15
	венцы	43	8	4	3,15	24	6,97	9,33
С разд. горлом	ножки	9				7	3	1,2
	венцы	41				13	3,76	1,8
Менда	ножки	3				3	1,3	1,13
	венцы	27	7	2,7	2,16	8	2,31	2,07
Неопред.	ножки	8	3	1,74	1,55	5	2,15	2
	венцы	26	11	4,25	3,71	15	4,34	4,14
Всего	ножки	437	171			233		
	венцы	1489	259			345		

Таблица 2

центры		к-во у.ц.а	конец VI—начало V вв. до н. э.				вторая четверть V в. до н. э.			
			к-во у.ц.	сер. V	общий V	%	к-во у.ц.	сер. V	общий V	%
Клазо- мены	ножки	6	6	21	126	3,62				
	венцы	8	8		168	3,15				
Лесбос	ножки	62	40 (1с/гл)	19,6 с/гл	760,5 (19,6)	21,9 (0,56)	22	22,4 с/гл	493	12,3
	венцы	49	29 (5с/гл)	19 к/гл	554 (98)	10,5 (1,84)	20 (4с/гл)	11,2 к/гл	269 (89)	4,64
Иония	ножки	4	4	22	88	2,56				
	венцы	14	14		308	5,79				
Самос- Милет	ножки	43	31	21	651	18,75	12	21	252	6,27
	венцы	87	48		1008	18,9	39		819	14,14
"Про- то- фасос"	ножки	103	54	19	1026	29,56	49	11	539	13,4
	венцы	135	82		1558	29,25	53		583	10,07
Хиос	ножки	132	24	24	576	16,6	108	18	1944	48,4
	венцы	225	52		1248	23,45	173		3114	53,8
Фасос	ножки	36	9	21	189	5,45	27	22,5	607,5	15,12
	венцы	32	8		168	3,15	24		540	9,33
С разд. горлом	ножки	7					7	8	56	1,39
	венцы	13					13		104	1,8
Менда	ножки	3		16,4			3	15	45	1,13
	венцы	15	7		115	2,16	8		120	2,07
Неоп- ред.	ножки	8	3	18	54	1,55	5	16	80	1,99
	венцы	26	11		198	3,71	15		240	4,14
Всего	ножки				3470,5				4016,5	
	венцы				5325				5789	

Кутинова Т.М. (Саратов)

КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА ИЗ ФАНАГОРИИ (история формирования коллекции)*

Амфорные и черепичные клейма являются одной из массовых групп керамического материала, встречающегося в ходе археологических раскопок античных поселений Северного Причерноморья. Будучи важнейшим источником для датирования отдельных памятников, они, вместе с тем, предоставляют надежную информацию для выяснения особенностей их экономической истории. Однако потенциальные возможности клейм используются далеко не в полной мере. Одна из главных причин этого — крайне слабое введение в научный оборот самого полученного клейменого материала. Зачастую не проводится его квалифицированная первичная обработка и в лучшем случае он оседает в музейных фондах, а в худшем — безвозвратно теряется. К сожалению, подобная ситуация характерна и для клейм, обнаруженных при исследовании Фанагории — крупнейшего центра Азиатского Боспора. В связи с этим, приступая к их изучению, нам, первым делом, пришлось выяснить как общее количество зафиксированных здесь оттисков, так и места их хранения. К сожалению, отчеты о раскопках¹ содержат весьма скудную информацию по данному вопросу. Поэтому основное внимание было сосредоточено на просмотре клейменого материала из Фанагории, хранящегося в фондах столичных и периферийных музеев. В результате удалось осуществить оценку (правда, пока предварительную) состава коллекции клейм из Фанагории.

Она начала формироваться еще с середины XIX в., когда в этом районе впервые стали проводиться раскопочные работы. Полуторовековой период исследования данного памятника условно можно разделить на несколько “этапов”:

1. Для дореволюционного этапа (1853—1917 гг.) характерны эпизодические раскопки, проводившиеся К.Р. Бегичевым, К.К. Герцем, Я.М. Лазаревским, В.Г. Тизенгаузеном и К.Е. Думбергом, главным образом на курганном некрополе². В отличие от этих исследователей, в 70-х гг. XIX в. И.Е. Забелин предпринял попытки изучения самого городища, для чего в разных его районах заложил несколько относительно крупных раскопов³. Именно отсюда и происходит

---

* Работа выполнена в рамках проекта “Керамические клейма Азиатского Боспора” при финансовой поддержке фонда “Киммериды”.

¹ Отчеты о раскопках, проводившихся в дореволюционные годы, находятся в Институте истории материальной культуры (ИИМК) г. С.-Петербурга. Отчеты с 30-х гг. прошлого века до настоящего времени хранятся в Институте археологии (ИА РАН) г. Москвы.

² См.: *Кобылина М.М.* Фанагория // МИА. 1956. С. 5 сл.; *Паромов Я.М.* Археолого-топографический план Фанагории // Боспорский сборник. М., 1993. Вып. 2. С. 116 сл.

³ ОАК 1869. СПб. 18714. С. VII–VIII; ОАК 1870, 1871. СПб. 1874. С. V–VII, XXXVIII–XXXIX; ОАК 1872. СПб. 1875. С. III–VI.

основная часть клейменого материала (около сотни оттисков), поступившего на хранение в Эрмитаж и впоследствии изданного Е.М. Придиком⁴.

2. В 20–30-е гг. XX в. масштабные раскопки в этом районе не проводились, исследователи (К.Э. Гриневиц, Л.П. Харко, В.Ф. Гайдукевич, А.А. Миллер) ограничивались разведочными работами и время от времени закладывали небольшие шурфы на городище⁵. Местонахождение материала, полученного за эти годы, в том числе и клейм, неизвестно. Не исключено, что он поступил в Темрюкский музей и был утерян в годы войны.

3. Систематическое исследование Фанагории и ее окрестностей началось лишь с середины 30-х гг. XX в. экспедицией под руководством В.Д. Блаватского⁶, работавшей в предвоенные годы. С 1947 г. археологические исследования на городище и некрополе были возобновлены Государственным музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (ГМИИ). Вплоть до начала 70-х гг. ими руководила М.М. Кобылина⁷. За эти десятилетия произошло значительное пополнение коллекции керамических клейм из Фанагории. Более 600 экземпляров, зафиксированных с 1936 по 1951 гг., поступили на хранение в ГМИИ и Государственный исторический музей (ГИМ), где были обработаны Д.Б. Шеловым⁸ и переданы Б.Н. Гракову для включения в состав III тома IOSPE. Информация о клеймах, обнаруженных за последующие двадцать лет раскопок, крайне скудна. К сожалению, нам не удалось установить их точное количество, поскольку в отчетах о работе экспедиции этот материал упоминается лишь эпизодически. Здесь могли бы помочь описи находок, которые обычно ведутся в ходе раскопочных работ, однако последние не были приложены к отчетам. В какой-то степени получить представление о численности и составе коллекции 50–60-х гг. позволяет клейменный материал этих лет, поступивший на хранение в фонды ГМИИ. В настоящее время здесь находится немногим более 200 экз., но можно предположить, что первоначально их число было значительно больше. Не исключено, что какая-то часть клейм либо была утеряна, либо поступила в другие хранилища.

4. Следующий этап изучения Фанагории (70-е—начало 90-х гг.) связан с работой экспедиции Института археологии АН СССР, возглавляемой

⁴ Придик Е.М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917.

⁵ Иессен А.А., Миллер А.А. Таманская экспедиция в 1931 г. // Сообщения ГАИМК. 1932. № 11–12. С. 61.

⁶ Блаватский В.Д. Отчет о раскопках в Фанагории в 1936–1937 гг. // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. XVI; *его же*. Раскопки в Фанагории в 1938–1939 гг. // ВДИ. 1940. № 3–4; *его же*. Раскопки в Фанагории в 1940 г. // ВДИ. 1941. № 1; *его же*. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. М., 1951. № 19.

⁷ Кобылина М.М. Раскопки в Фанагории (1948 г.) // КСИИМК. 1950. Вып. 33; *ее же*. Раскопки в Фанагории (1949 г.) // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII; *ее же*. Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. // КСИА. 1967. Вып. 109.

⁸ Шелов Д.Б. Керамические клейма из раскопок Фанагории // МИА. М., 1956. № 57.

В.С. Долгоруковым. К сожалению, определенная небрежность в фиксации материалов, обнаруженных в ходе раскопок, продолжалась и в эти десятилетия. Описи находок, как и в предшествующие годы, к отчетам не прилагались. В самих же отчетах кое-где упоминаются “ручки с клеймами”, но нет указаний на их содержание, отсутствуют иллюстрации. Исключением является составленный А.Б. Колесниковым каталог оттисков, зафиксированных на протяжении двух полевых сезонов⁹. Он включает не только полный список всех найденных штемпелей, но и их иллюстрации, вероятное восстановление и датировку.

Основная же часть обнаруженного за эти двадцать лет клейменого материала не подвергалась даже первичной обработке. Между тем в связи с проведением в этот период крупномасштабных работ на территории “Южного города”¹⁰, коллекция клейм из Фанагории значительно пополнилась. Этот материал не был передан в музейные фонды и до настоящего времени находится в Институте археологии в Москве, где нам удалось обнаружить порядка 1500 оттисков.

5. Ситуация с фиксацией материала стала меняться в лучшую сторону в последние годы, после того как экспедицию возглавил В.Д. Кузнецов. На протяжении последних 10 лет проводится исследование одного из районов Фанагории, так называемого “Верхнего Города”¹¹. Объемы работ колоссальны — площадь раскопа занимает 900 м². На протяжении 1995–2001 гг., когда вскрывались средневековые и римские слои, находки клейменого материала были единичными, и только в последнее время он стал массовым. Так, в 2002–04 гг. зафиксировано более 300 экз. керамических клейм, которые были оперативно обработаны и сведены в каталоги, приложенные к отчетам экспедиции за соответствующие годы.

Сверка коллекции фанагорийского клейменого материала, находящегося в ГМИИ и ГИМе, а также в Институте археологии в Москве, показала, что в настоящее время здесь находится около 2700 оттисков. Несомненно, что общее количество клейм, обнаруженных в Фанагории за 150-летний период раскопок, превышает 3000 экз. По крайней мере, известно еще около сотни штемпелей, полученных в результате случайных сборов на городище. Большая часть из них находится в фондах Анапского музея, единичные экземпляры — в Краснодарском и Таманском музеях, а также в Музее амфор Дома детского и юношеского творчества г. Москвы. Видимо, дальнейшая тщательная проверка фондового материала позволит пополнить этот список.

---

⁹ Каталог А.Б. Колесникова приложен к отчетам экспедиции за 1985–1986 гг. // ИА РАН. Р-1. № 11165.

¹⁰ См.: Завойкин А.А. Фанагория во второй половине V–начале IV вв. до н. э. (по материалам раскопок “Южного города”) // Древности Боспора. Suppl. I. М., 2004. С. 8–10.

¹¹ Кузнецов В.Д. Работы Фанагорийской экспедиции в 1998 г. // Проблемы истории, философии, культуры. М.–Магнитогорск, 1999. Вып. VII. С. 392 сл.

Пока в научный оборот в той или иной степени введено менее трети клейм фанагорийской коллекции. При этом наиболее полная информация, позволяющая проводить сверку исходного материала, присутствует только в упомянутом выше каталоге Придика. Сложнее обстоит дело с Корпусом “протоклеим” и ранних фасосских оттисков, изданных недавно И. Гарланом¹². Собственно, это даже не каталог клейм, а каталог примерно 1000 штампов с указанием количества оттисков, выполненных каждым из них и мест их находок. По данным И. Гарлана, оттиски третьей части всех штампов представлены в Фанагории. Однако в его работе существует ряд разночтений. Так, в таблице на странице 8 отмечено, что в этом районе зафиксировано 624 экз. фасосских клейм двух анализируемых серий. В самом каталоге представлено всего 580 экз., по нашим же данным, общее количество штемпелей, находящихся в указанных И. Гарланом коллекциях, составляет не более 400 экз. Показательно, что, по его сведениям, основная масса ранних фасосских клейм (более 400 экз.) находится в фондах ГМИИ, тогда как общее число оттисков всех центров из Фанагории, представленных в картотеке музея составляет около 300 экз. Причины таких разночтений непонятны. К сожалению, провести полноценную сверку материала не представляется возможным, так как в каталоге И. Гарлана только менее чем 15% присутствующих клейм сопровождаются инвентарными номерами.

Помимо упомянутых каталогов, существуют еще две работы, специально посвященные клейменому материалу из Фанагории, зафиксированному на протяжении нескольких полевых сезонов: 1936–40 и 1947–50 гг. (Д.Б. Шелов¹³) и 2002–03 гг. (Т.М. Кутинова¹⁴).

Выводы, к которым пришли авторы, существенно разнятся¹⁵. Причину расхождения можно будет выяснить только после получения данных о всей совокупности клейм коллекции. Вместе с тем, уже сейчас имеется возможность получить предварительное представление о ее составе.

Около 10% штемпелей выполнено на черепице. Большинство из них оттиснуто на боспорских керамидах, два десятка — на синопских, и всего два экземпляра — на гераклеийских.

Амфорные клейма четко разделяются на два хронологических периода. К первому из них, охватывающему конец VI–V вв. до н. э. (период спорадического клеймения), относится всего 5% от всей совокупности оттисков. Половина из них принадлежит Хиосу, около трети составляют “протоклеима” Фасоса,

¹² *Garlan Y. Les timbres amphoriques de Thasos. I. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens. Paris, 1999.*

¹³ *Ibidem.*

¹⁴ *Кутинова Т.М. Керамические клейма из раскопок “Верхнего Города” Фанагории 2002–2003 гг. // Боспорский Феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. СПб, 2004. Ч. 1.*

¹⁵ *См.: Кутинова Т.М. Указ. соч. С. 207–208.*

шестую часть — оттиски на амфорах со сложнопрофилированными кольцевыми поддонами (“протофасосские”). Единичными экземплярами представлены клейма Лесбоса и Самоса.

Остальные оттиски относятся ко второму периоду (IV—I вв. до н. э.), когда во многих Средиземноморских и Причерноморских центрах осуществлялась практика систематического и массового клеймения керамической тары. Преобладающее положение в составе импорта занимают клейма Средиземноморских центров, хотя в количественном отношении позиции каждого из них существенно разнятся. Около трети штемпелей всей совокупности принадлежит Родосу, несколько уступает ему клейменная продукция Фасоса. Значительно слабее (от 1 до 3%) представлены клейма Аканфа, Менды, Книда и Коса. Зафиксированы единичные экземпляры оттисков Коринфа, Хиоса и Пароса.

Оставшаяся треть всех клейм коллекции принадлежит причерноморским центрам: господствующие позиции занимают Синопа и Гераклея (17 и 13% соответственно), херсонесские оттиски составляют всего 1,5% от всей совокупности.

Таким образом, несмотря на то, что на сегодняшний день большая часть работы по обнаружению и сверке керамических клейм практически завершена, еще не один раз предстоит уточнять и дополнять полученные данные, прежде чем делать какие-либо обобщающие выводы.

Н.В. Фирсова (Казань)

КУЛЬТ ДЕМЕТРЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ИСТОРИОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА

В античных городах Северного Причерноморья культ богини Деметры, покровительницы земледелия, имел большое значение, так как хлебопашество было основой экономики этого региона. Но, несмотря на то, что здесь открыто сравнительно много следов существования культа богини, до настоящего времени не проведено полное его исследование. Тем не менее, издан ряд специальных работ, в которых рассмотрены те или иные стороны культа Деметры.

В данной работе я рассмотрю взгляды ученых на ряд вопросов: происхождение культа, его сущность, взаимодействие эллинских и варварских элементов, угасание культа и т. д.

Считается, что почитание Деметры в Причерноморье началось с VI в. до н.э. Культ был завезен ионийцами — выходцами из Малой Азии; об этом говорят А.С. Русяева и М.М. Кобылина. Все изображения богини этого времени — родосско-ионийского производства¹.

В V—IV вв. до н. э. появляется другой тип, принесенный из Афин, соответствующий по стилю женским фигурам Парфенона². А.С. Русяева объясняет данный факт возросшим влиянием Афин в жизни государств Северного Причерноморья³.

Дискуссионным остается вопрос о влиянии на культ местных варварских элементов. Так М.И. Ростовцев⁴ и В.Д. Блаватский⁵ считали, что земледельческая религия боспорских греков испытала сильное воздействие верований местного населения и потому следует говорить о синкретическом характере эллинских культов. Но А.С. Русяева и С.Ю. Сапрыкин убедительно доказывают, что ре-

¹ Русяева А.С. Земледельческие культы Оливии догетского времени. Киев, 1979. С. 37; Кобылина М.М. Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1985. С. 7.

² Кобылина М.М. Ук. соч. С. 7–8.

³ И.Б. Брашинский относит гегемонию Афин в торговле и политике к первой половине V в. до н. э. Причину этого он видит в окончательном падении персидского контроля над черноморскими проливами и походом Перикла в Понт. Особенно тесными были связи Афин с Ольвией (Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963. С. 49–50, 86).

⁴ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 371.

⁵ Блаватский В.Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н.э. — III в. н.э.) // СА. 1964. № 4. С. 29–33.

лигиозные представления греков в эпоху архаики и классики еще были лишены черт местной религии⁶.

Но в период эллинизма местное влияние прослеживается уже довольно четко. Так, А.С. Русяева выделяет два типа произведений коропластики: 1) привозные статуэтки Деметры с обобщенными, идеализированными чертами лица; 2) местные статуэтки, где богиню изображали в виде полной пожилой женщины-матери, покровительницы плодородия полей⁷. Специфической чертой почитания богини в Северном Причерноморье являются живописные изображения Деметры при росписи склепов боспорской знати; например, известный склеп Деметры в Пантикапее, где представлен поясной портрет богини, сцена похищения Коры Аидом⁸. А.А. Завойкин считает, что в период эллинизма определяющим было влияние Малой Азии; он исследует святилище Деметры VI/V — сер. I в. до н. э. на Фанталовском полуострове и делает вывод, что с эпохи Митридата VI здесь появляются новые персонажи, принесенные из Малой Азии: Кибела и Дионис-Аттис, а также их атрибуты (виноградная гроздь, косточки миндаля и проч.); новые боги вливаются в древний культ эллинских божеств, трансформируя его⁹. То же отмечает и А.С. Русяева¹⁰. А.А. Масленников и С.Ю. Сапрыкин прослеживают малоазиатское и иранское влияние. Они отмечают, что Кибела (Фригийская мать, Великая мать) здесь воплощает собирательный образ Деметры-Кибелы и Девы-Коры или Артемиды. Это воплощение стало результатом взаимодействия с распространенным в Понтийском царстве культурами Анаит-Афродиты или Артемиды, Кибелы и Деметры, отождествлявшимися эллинами с анатолийской богиней плодородия¹¹.

Следует остановиться также на проблеме распространения культа Деметры среди местного варварского населения. А.Е. Пуздровский считает, что нельзя предполагать адекватное восприятие греческих культов в варварской среде¹². И.Т. Кругликова вообще полагает, что «культы Деметры и Великой богини-матери не были распространены среди широкой массы сельского населения

---

⁶ Русяева А.С. Указ. соч.; Сапрыкин С.Ю. Культ Деметры в Боспорском царстве в VI–IV вв. до н.э. // Из истории античного общества. Горький, 1983.

⁷ Там же. С. 53.

⁸ *Burgunder P.* Le tombeau de Dymiter – Approche renouvelée d'un caveau peint découvert a Kertch en 1895 // БФ. Погребальные памятники и святилища. Ч. I. СПб., 2002.

⁹ Завойкин А.А. ΘΘΕ: Двойственность и троичность на святилище Элевсинских богинь («Береговой-4») // ДБ. Т. 6. М., 2003. С. 106, 113.

¹⁰ Русяева А.С. Указ. соч. С. 58, 60.

¹¹ Масленников А.А., Сапрыкин С.Ю. Люди и их боги: религиозное мировоззрение в Понтийском царстве // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 423–424.

¹² Пуздровский А.С. К вопросу о культе женского божества у поздних скифов Крыма // БФ. Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. Ч. I. С. 105.

<...>, им поклонялись главным образом жители городов <...>, масса же сельского населения не восприняла не только существа, но и формы изображения чужеземных божеств”¹³. С этим тезисом можно согласиться лишь отчасти, т. к. А.С. Русяева и А.А. Завойкин подчеркивают, что культ Деметры в период эллинизма носил государственный характер (на Боспоре по крайней мере с I в. до н. э. [Oros. VI.5.4], в Ольвии, видимо, со времени похода Зопириона), что свидетельствует о широком распространении почитания богини¹⁴.

Тем не менее, известно, что в скифско-сарматской среде особой значительностью пользовалась Владычица зверей, покровительница природы и всего сущего, которую первоначально почитали в собирательном образе Киммерийской богини, а затем как персидскую Артемиду или скифскую Аргимпасу, тождественную греческой Афродите¹⁵, но и ее культ ассоциировался с Деметрой¹⁶.

Относительно сущности культа в историографии также нет единства. Так, С.Ю. Сапрыкин считает, что в VI–V вв. до н. э. был распространен “земледельческо-хтонический культ Деметры с обрядами, близким к элевсинским”¹⁷. Но при этом он подчеркивает, что “в Северном Причерноморье не было и не могло быть мистерий, хотя идеи их были широко распространены и, вероятно, частично воплощались в обрядах”¹⁸. Иной точки зрения придерживаются А.А. Завойкин и А.А. Масленников, которые считают, что на изучаемых ими святилищах проводились именно мистические обряды. Так, на Фанталовском полуострове найдено большое количество символических предметов, отражающих божественные пары (Деметра и Кора-Персефона, Кора-Персефона и Аид) и триады (Деметра – Кора/Персефона – Дионис/Триптолем; Персефона/Thea – Плутон/Theos – Эвбулей), им соответствуют монограммные граффити, парные статуэтки богинь, парные и тройные сосуды, светильники и т. д.¹⁹ А.А. Масленников же опирается на существование в святилище у бухты Генеральской культа Священного огня и других черт, характерных для мистерий²⁰.

О существовании мистерий говорят и раскопки кургана Большая Близица. А.А. Передольская убедительно связывает найденный там погребальный инвен-

¹³ Кругликова И.Т. О культе верховного женского божества на Боспоре во II–III вв. н. э. // Культура античного мира. М., 1966. С. 110.

¹⁴ Русяева А.С. Указ. соч. С. 51, Завойкин А.А. Указ. соч. С. 106.

¹⁵ Масленников А.А., Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 419.

¹⁶ Там же. С. 420.

¹⁷ Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 66.

¹⁸ Там же. С. 65.

¹⁹ Завойкин А.А. Указ. соч. С. 105 и далее.

²⁰ Масленников А.А. Сельский теменос (?) в Восточном Крыму //ВДИ. 1997. № 4. С. 161.

тарь с основными событиями драмы, разыгрывающейся в Элевсине²¹. Того же мнения придерживается А.С. Русяева, опираясь на почитание в Ольвии Иакха — божества, порожденного именно элевсинскими мистериями. Существуют данные о почитании в Ольвии еще с архаического времени Деметры Кабирь²². Возможно, что оба культа (Элевсинский и культ кабиров) были слиты воедино²³. А.С. Русяева также отмечает, что в эллинистический период к Деметре перешли функции покровительницы домашнего очага и даже покровительницы города²⁴.

Видимо, как и в Балканской Греции, в Причерноморье святилища Деметры часто устраивались за территорией города; именно такие изучены А.А. Масленниковым и А.А. Завойкиным. О том же говорит и А.С. Русяева, отмечающая наряду с этим, что “рост индивидуализации сознания в эллинистический период приводит к росту количества домашних святилищ”. Но есть и городские святилища богини; они найдены в Нимфее, Мирмекии и близ Тиритаки. Относительно принадлежности их культу Деметры в науке нет единого мнения. Так, В.Ф. Гайдукевич²⁵ и С.А. Данильченко²⁶ относят их к культу Деметры, а И.Ю. Шауб считает, что они принадлежали культу Верховного женского божества (местного!), вобравшего в себя черты Деметры, Артемиды и Афродиты, близкого по духу Великой богине матери²⁷. Но все же представляется, что данная точка зрения нуждается в коррекции; возможно, изначально святилища действительно принадлежали Деметре, но в эллинистическую эпоху в связи с ростом почитания Кибелы культ Деметры был забыт, что характерно для всех открытых святилищ. А.А. Масленников и С.Ю. Сапрыкин считают, что культ Деметры отошел на второй план в III в. до н. э., так как именно с этого времени стала расти популярность Кибелы, а наибольшее значение в это время получает культ Афродиты Урании — владычицы Апатура, которая становится высшим женским божеством²⁸.

---

²¹ Передольская А.А. Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. Ч. I. Л., 1962.

²² Русяева А.С. Указ. соч. С. 94.

²³ Передольская А.А. Указ. соч. С. 79.

²⁴ Там же. С. 51.

²⁵ Гайдукевич В.Ф. Мирмекий. Л., 1987.

²⁶ Данильченко С.А. Чернолаковая керамика из нимфейского святилища Деметры // БФ. Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. Ч. I.

²⁷ Шауб И.Ю. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // STRATUM PLUS. Скифский квадрат. Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса. 1999. № 3. С. 213 и сл.

²⁸ Масленников А.А., Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 419.

А.С. Русяева связывает “забвение” культа с угасанием античной культуры и варваризацией Причерноморья²⁹. В результате этого к первому веку до н. э. главным земледельческим божеством становится Кибела, а затем — Великое женское божество скифов. И.Т. Кругликова выдвинула предположение, что, хотя жители Боспора в III в. н. э. еще знали Деметру, ее культ в это время уже не играл сколько-нибудь заметной роли³⁰.

Таким образом, следует заключить, что в современной исторической и археологической науке нет единого мнения на многие аспекты почитания Деметры в Северном Причерноморье. Наименее разработаны вопросы причин упадка культа и время его забвения.

В дальнейших своих исследованиях я считаю необходимым заострить внимание на этих аспектах, а также проследить сходство и отличие культа богини в Северном Причерноморье и других регионах греческого мира (например, на Сицилии).

---

²⁹ Русяева А.С. Указ. соч. С. 71.

³⁰ Кругликова И.Т. Указ. соч. С. 110.